

ОТКРОВЕННО
О СОКРОВЕННОМ

ИРИНА
КРИЦКАЯ

МУЖЧИНЫ БЕСЯТСЯ

Постель — это единственное место, где человека
можно узнать за пятнадцать минут

сборник рассказов

Москва 2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Художественное оформление серии *С. Прохоровой*

Крицкая, Ирина Львовна.
К82 Мужчины бешутся : сборник рассказов / Ирина Крицкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Откровенно о сокровенном. Проза И. Крицкой).

ISBN 978-5-699-83236-1

Для утреннего тонуса Василию обязательно нужно запугать подчиненных; для бодрости и самоуважения — всласть поругаться с партнерами по бизнесу; а в вечернем меню — скандал с женой. И вот тогда день прожит не зря... А другой мужчина начинает беситься из-за любого проявления несовершенства мира, третий заиклен на собственной внешности, Малыш выносит мозг любимой девушке из-за того, что его недостаточно любят. Узнаете? И после этого вы все еще уверены, что истерики устраивают только женщины?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83236-1

© Крицкая И., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Мне опять сказали, что я истеричка. Какая бесовская! Нагрубила по телефону милому доктору, а он, между прочим, самый лучший косметолог в нашем городе.

«Да... И нужно быть овцой последней, чтобы в твоём-то возрасте грубить косметологам. Доктор ждёт, консультацию из-за тебя отменяет, а ты не едешь, ещё и в трубку ему орешь...» — это все мне предъявила одна моя знакомая, Алена. И что я могла ей ответить?

— Быть такого не может! — я ей сказала.

— Даже в приемной слышали, как ты кричала.

Вот это вранье, однозначно. Я давно заметила — у Алены есть манера немножко преувеличивать. «Ничего не хочу, передумала» — это я могла сказать. Но чтобы я?.. Говорила врачу: «Пусть он возьмет свой коллаген и сам себе в губы загонит»?..

— Абсурд, — я ей так и сказала, — не в моем стиле, я в трубки никогда не кричу.

Алена усмехнулась и начала цитировать: «Меня не волнует ни рожа, ни кожа! Когда я выглядела идеально, на меня всем было наплевать! Кто меня носил на руках? Никто. И зачем тогда сейчас мне эта ваша... гиалуро-

новая кислота? Да лучше я пойду на кухню и сожру кастрюлю пельменей. Да! Я буду мстить! Нажрюсь и лягу спать. Я ничего я не хочу! И красота мне ваша не нужна, синтетическая... И любовь ваша поганая мне не нужна, и секс ваш телячий сто лет мне не нужен... Я вообще ничего не хочу! Я даже кино свое любимое разлюбила, про двух мальчиков и одну девочку».

— Ты бы слышала, — Алена улыбнулась, — как веселился ресепшен.

— Клевета, — я ответила. — И вообще... Я не люблю пельмени.

— Ты не любишь пельмени? — она усмехнулась.

— Да, — сказала я и даже глазом не моргнула, — не люблю.

В этих показаниях верно лишь одно — я действительно должна была явиться на прием к косметологу, но потом у меня испортилось настроение. Скорее всего я не выспалась. А может быть, сильно проголодалась. И если даже пошумела немножко — имею право, я женщина, а кого, скажите, в наше время удивляет женская истерика? Никого не удивляет, все привыкли. Поэтому, я полагаю, милый доктор на меня не обиделся. И вообще в этой книжке женские срывы — не главное. Эти десять рассказов я написала, чтобы рассказать о том, как бесятся мужчины.

Стриптиз на Майорке

1. Клиника

Максим, врач-косметолог, сидит в своем зеленом кабинете и ждет клиентку, то есть меня. Процедура была запланирована не сложная, всего-то несколько инъекций. Для начала. А там уж только попадись к нему в руки...

Мне было назначено на три, у доктора все было готово, а я опаздывала и незвонила. Почему, почему... Поэтому что! Я уже передумала, но еще не до конца.

В кабинет к Максиму заглянула администраторша. Спросила на всякий случай:

— Максим Валентинович, вы не заняты? Возьмете женщину, очень просится к вам на консультацию?

— Не возьму, — ответил он. — У меня пациентка.

Времечко было три двадцать, а я даже не выдвигалась из дома. Варила пельмени и наворачивала сметану прямо из банки. Хотя ничто такой беды не предвещало.

Я не знала, как быть. Освежиться хотелось, но дух противоречия проснулся. Может, я и мымра, но нравлюсь себе, несмотря на все врожденные пороки. Вот

так вот я стою и размышляю, пельмешки закипают, а время идет.

Вообще-то на прием к Максиму опаздывать не принято. Тем более в мае, когда все девушки срываются с цепи. График приема расписан на месяц, потому что Максим очень хороший врач. Ему тридцать два, но он уже считается одним из лучших специалистов по красоте. Да, все эти пухлые губки, гладкие лобики, румяные щечки — все это его рук дело. Он держит в тонусе — и женщин, и мужчин, все клиенты у него на ниточках. Еще не знаете? Ниточками он называет филлеры, жидкие нити, которые протягивают под кожей, чтобы она была свеженькой, несмотря ни на что.

В последнее время народ повалил. Все хотят приподнять уголками вверх свои недовольные губенки. В приемной у Максима всегда сидит парочка прошитых девочек. Не старых, что вы! Клиенткам нет и тридцати. Эти дамы могут свободно выговаривать — «гиалуроновая кислота». Это они и разносят по городу слухи о том, какой он хороший доктор. И каждая куколка называет его фамильярно — Макс, хотя детей с ним ни одна не крестила. «После Макса никаких побочных эффектов. С ним так спокойно, он все, все, все тебе расскажет, все объяснит, успокоит. Кстати, он голубой, наверно, поэтому он так хорошо понимает женщин».

Вот эта вот последняя информация всегда бежала впереди: сначала гей, а потом уже хороший доктор. Может быть, это играло роль дополнительной рекламы, но скорее только отнимало у Макса время. Все

клиентки считали возможным рассказывать доктору о своих личных переживаниях, и ему приходилось заниматься психотерапией бесплатно.

Нет, на мой выбор врача эта деталь никак не повлияла. Мне неважно, какая у кого ориентация. В той компании, где я познакомилась с Максом, были задекларированы все: и би, и гетеро, и гомо. Лично я вообще скатилась в категорию антисекс. Вот что значит — «не зарекайся». «Нет любви — забудь о сексе» — так я решила. И ничего! Жить стало проще и, я бы даже сказала, веселее.

Народ собрала Алена, моя новая знакомая, та, которая уверяет, что я грубила по телефону. Она работает арт-директором в стрип-клубе и заодно выполняет там те же функции, что и профсоюз.

— Хочешь на Майорку? — позвонила она мне. — Будет веселая компания.

— Конечно, — я заранее согласилась, но все равно спросила, — а кто едет?

— Стриптизерши, два гея с мамой и я.

— Нормально, — говорю, — я с вами.

А потому что людей объединяет не сексуальная ориентация, не половые признаки, не возраст и даже не деньги. Люди объединяются по интересам. А интерес был один — отдохнуть. Все пахали как кони, Макс в больнице, девочки у шеста, Алена с плеткой, я за компом — все устали и захотели отключиться. Поэтому мы с Максом и оказались в соседних креслах экскурсионного автобуса.

2. Автобус

Белый туристический автобус остановился у причала. Двери открылись у площадки под соснами. Одна за другой на асфальт стали выпрыгивать девушки. Молоденькие и спортивные. Шорты у всех короткие, стразы на попах блестят, на пупке пирсинг, на носу очки. Все на кого-то похожи, на кого — не могу вспомнить.

С ними вышла старшая, Алена. Красная майка и надпись во всю грудь — «Ай лав Майорка», это чтобы девочки ее видели в любой точке набережной, чтобы не растерялись без мамы. Алена стояла у выхода и считала всех по головам:

— Милана, Тигрица, Джессика, Синди...

Имена были клубные, под такими никами девочки выходили танцевать. На свои настоящие имена, те, которые дали им родители, они не отзывались.

Тигрица вообще запуталась, как ее звали раньше. Она меняла имя два раза. Прямо вставала и двигала в паспортный стол, чтобы Полину сменить на Олю, а потом Олю на Юлию. В итоге запутала всех и стала Тигрицей.

Для Тигрицы ей не хватило мощности, мелковата, попа как у мальчика, но пластика вполне кошачья. Грудь тоже, при узкой попке, — троечка, почему ж не Тигрица — Тигрица самая натуральная. Она тоже была постоянной клиенткой Максима.

И только одна эта Тигрица из всего стрипа умела танцевать, остальные красотки только раздевались под музыку. С общим образованием девушкам тоже не повезло, поэтому всех воспитывала Алена.

В дороге она дублировала все, что говорил гид. Например, он объяснял:

— Друзья, мы с вами отправляемся на живописный мыс Ферментер. Нас ждет красивейшая бухта, кристально чистая вода и самый свежий воздух. Паром отплывает через пять минут, поэтому, пожалуйста, организованно выходим из автобуса, не разбредаемся, следующий паром будет только через час.

Все было понятно, но Алена четким басом повторила для своих:

— Девушки, алле! Сейчас выходим. Никаких перекуров. Никаких туалетов. Строимся и топаем за мной. Все меня слышали?

— Да, Алена, — девочки отвечали, — мы тебя слышали.

— А когда в туалет?

Про туалет все время спрашивала Синди, блондиночка с проамериканской челюстью.

— Я не могу ничего удержать, — она жаловалась во всех общественных местах, — если я пью, мне обязательно нужно вылить.

В автобусе Синди выпила сангрии и начала волноваться. Макс купил целую сумку этого винища, оторвал этикетки, чтобы нас не пришили за распитие спиртного, и раздал бутылки по автобусу. Нам осталась одна на двоих, мы попивали этот испанский компот и поглядывали на окрестности. Поля желтые, горы синие, маки красные, пальмы зеленые, в наушниках испанская гитара, и в компоте даже какой-то градус. И на лицах у нас, понятно, было ликование. Ура! Мы в отпуске.

— Как и большинство древних городов Испании, —

рассказывал гид, — Пальма-де-Майорка был заложен во времена Римской империи.

— Девушки, — Алена попросила сделать паузу, — поднимите руку, кто знает, что такое Римская империя?

Синди, та, у которой недержание, перекинула во рту жвачку справа налево и ответила с умным видом:

— Это Штаты, Ален.

— Открою тайну...

Алена объясняла, да так лихо, как младшим школьникам, что Римская империя — это почти то же самое, что современная Италия...

— Моника там работает, — уточнила Тигрица, и всем сразу стало понятно.

— А почему заложены? — кто-то спросил.

— Не поняла?

Алена перестала удивляться многим вещам, но быть готовой ко всему даже ей не удавалось.

— Ну, щас сказали «города были заложены»...

— Заложены, девушки, это не в ломбард, не за долги...

Всю дорогу она проводила ликбез, могла бы и не напугаться, но у нее было призвание, ей нравилось работать пионервожатой и матерью народов. Иначе она бы просто не запомнила все эти дикие имена своих пионеров.

— Сиси, Лучия, Линда... — она всех собрала в один выводок и с наслаждением командовала.

За Линдой (простенькая такая сельская стриптизерочка была в турецких шароварах) спустился Александр, любовник Макса. Череп у Александра был бритый, с намеком на актив, очки прямоугольные, чтобы скорректировать круглое лицо, песочные бриджи сиде-

ли идеально. Маникюр, педикюр и три десяточка филлеров на лице, над ним поработал специалист, Макс над ним поработал. Да, и майка голубая была безупречно чистой, но это уже мама поработала, мама приучила Александра к порядку.

Алена и его посчитала. А ей без разницы было, где тут девочки, у которых она забрала паспорта, а где свободные люди.

— Сашуля! — Алена пробасила с шутливой улыбкой.

Он обернулся и подал руку женщине. Это была его мама. Белый костюм, красная сумочка, блондинка с хорошей стрижкой. Нет, не богемная, на вид технический работник государственного учреждения.

— Мама! — ее тоже посчитала командирша. — Мама у нас сегодня красавица!

За мамой вышел Максим. Стройный блондинчик в розовой майке. Мелированные завитушки прикрыты узкой шляпой, на джинсах художественное рванье, и очки в белой оправе из последней итальянской коллекции.

— Максюша! — и его тоже на общих основаниях посчитала командирша.

Он взмахнул в ответ своей шляпой и отошел за Сашулей, за мамой... А я стою на ступеньках, приглашенная звезда в сарафане, и смотрю на его нежную спинку, на локти... Локти и плечи у Макса были покрасневшими от солнца. Он встал в тень, под пальму, и смотрит на меня. Молодец! И после этого он советует мне немного приподнять линию бровей. Спасибо! Чтобы потом с новыми бровями я сама выпрыгивала из автобусов.

За мной столпись остальные девочки. Все ждали, когда я выйду. Алена приготовилась меня посчитать.

— Дорогая! — торопила она. — Ты забыла там что-то?

— Максим забыл, — я сказала.

— Максюша! — Алена все поняла, она ему и подсказала. — Максим! Подайте даме трап!

Он покраснел и протянул мне руку. А вот не надо мне теперь! Теперь уж я не та. Теперь меня интересуют яхты, белые яхты у причала. И чайки, толстые, как гуси. И седые горы, которые прячут бухту от штормов. И вон те вон белые виллы в горах, висящие над морем. А ваши руки, ваши плечи обгоревшие сто лет мне не нужны.

Чтобы увидеть обещанную красоту, мы поднялись по скалам высоко, под самые облака. Дорожки на обзорную площадку были скользкими, мои турецкие сандалии с подошвой из натуральной кожи скользили на камне зверски, я держалась за Алену и смотрела вниз. Скалы врезались в море, и цвет воды становился насыщенно-синим от глубины. Если грохнешься со скалы — то все, с концами. А горизонта не было совсем, его растушевали небесной белой дымкой. И правда, все, как гид сказал, — красота невозможная, оттенки чистейшие, про воздух вообще молчу, голова кружится от кислорода.

Все сразу построились фотографироваться, все снимали очки и шурились в камеру.

Макс остановился у обрыва рядом с бордюрчиком, голову склонил и кротко, мило улыбнулся в камеру. Примерно так же и я улыбалась, на третий год после свадьбы.

Сашуля сделал несколько кадров и сразу посмотрел отснятое, смешно и важно выпячивая нижнюю губу.

— Ну, прелесть! — он маме показал. — Скажи, прелесть?

— Да, — мама соглашалась, вздыхая едва заметно.

Чего вздыхать? Снимки получились яркими, розовая маечка очень нежно смотрелась на синем фоне.

3. Пляж

У Алены были личные планы на отпуск, девушка она свободная. Но в своем порыве сэкономить она забронировала отель в тихой зоне для немецких пенсионеров. Самыми привлекательными в этом месте были испанские официанты. Тут, конечно, было на что посмотреть, а на пляже — тлен и женщины с детьми.

Мы пришли туда на закате. В это время пожилые немцы выводили на спокойное солнце своих старух. Деды шагали к зонтикам решительным военным шагом. Ничего на них не было, только плавки, но мне казалось, что все они в военной форме, с закрученными рукавами, в квадратных касках, с автоматами в руках. Немецкие бабки дышали своим дедам в спины, все, как одна, — слитный купальник, седое каре и квадратный мужской подбородок. «Живое — не живое» — с таким выражением они рассматривали тела, разбросанные на песке. Наверняка, я подумала, у каждой бабки в кармане есть «кольт», и если кто-то дернется, она его прикончит.

Утром и после полудня пляж заполняли отвисшие животы, оттянутые соски, дряблые бедра и белые керамические зубы. Вот возле этой некромантии русский стриптиз и начал раздеваться.

Танцовщицы скинули шорты, стянули маечки и начали делать наклоны вниз, стелили на песок свои поло-